

Особенности поэтики восточной повести М.М. Хераскова «Золотой прут»

Жанр восточной повести пользовался в XVIII в. большой популярностью. Сборник «1001 ночь», успех которого в Европе значительно превзошел его известность в средневековом арабском мире¹, породил множество подражаний. Сформировались две разновидности этого жанра: занимательная волшебная повесть, изобилующая приключениями и чудесами, и философская, просветительская, в которой модный восточный колорит использовался для аллегорического отражения злободневных проблем и образного выражения глубоких идей. Писатели-просветители насыщали ориентальную экзотику глубоким содержанием. Так, в России стилизации под арабские и китайские сказки регулярно появлялись на страницах периодических изданий Н.И. Новикова и нередко ранее издававшиеся развлекательные тексты подвергались обработке, благодаря которой в них усиливалась моралистическая составляющая².

Большое место занимал жанр восточной повести в масонской и околomasонской периодике. В частной типографии И.В. Лопухина, где печатались главным образом значимые для ордена тексты, в 1785 г. были изданы «Сказки духов, или Забавные наставления Горамы, сына Асмарова» Джеймса Ридли. Это одно из наиболее удачных подражаний арабским сказкам, в котором сочетаются увлекательность и поучительность. Действующие в этих сказках добрые духи помогают людям и наставляют их, а злые толкают на дурные поступки, пользуясь человеческими особенностями характера и наклонностями. Знаменательно предисловие к книге, где большое место занимают рассуждения о религии. Карл Морелл, англичанин, которому приписывается публикация сказок его друга Горамы, пытается доказать мусульманину преимущества христианства, однако ему не удается это сделать. Основной аргумент Горамы — несовершенство подавляющего большинства знакомых ему христиан, которые становятся благочестивыми только к старос-

ти, успев вдоволь нагрешить. Это предисловие перекликается по пафосу с трактатом И. Арндта «О истинном христианстве», напечатанным в той же типографии, и с другими ее изданиями, обличающими формальную веру. Свидетельствует оно и об уважении к чужой религии, и о проявлении интереса к мудрости Востока, характерного для масонов. Один из учеников и наиболее преданных последователей виднейшего представителя российского масонства И.В. Лопухина М.И. Невзоров называет Магомета, наряду с Моисеем, Христом, Конфуцием и Зороастром, посланником Божьим, опровергает распространённые обвинения в его адрес и пишет о нем: «Он явился в мир в то самое время, когда господствующая в Римской империи христианская церковь от пустого любопытства и привязанности к одной наружности отбросивши совершенно внутренность начала совсем портиться и унижаться»³.

Образцом оригинальной русской восточной повести, созданной писателем-масоном, является «Золотой прут» М.М. Хераскова⁴. Произведение было издано анонимно под видом перевода с арабского языка в 1782 г. Автор создает легенду об истории этой повести, якобы найденной неким имамом и основанной на рукописи главного героя, жившего за 150 лет до ее обнаружения. Она «недавно напечатана была в Константинополе вместе с Белизарием», но была уничтожена по наущению Великого Муфтия, решившего, что мусульманам вредно читать столь разумные сочинения, способные натолкнуть их на мысли о глупости представителей духовенства и власти⁵. Упоминание «Белизария» Мармонтеля, преследовавшегося во Франции, однако переведенного на русский язык при участии императрицы Екатерины II, может быть истолковано как утверждение прогрессивности (в сравнении не только с мусульманскими, но и с европейскими странами) российского государства, в котором издаются запрещенные в других странах

мудрые сочинения. Вероятно, оно могло воспрепятствовать восприятию повести как паскивиля на российский двор.

История повести, с точки зрения автора не особенно интересная для многих читателей и настраивающая на серьезное, проблемное повествование, излагается только в главе IX. Автор предпочитает начать повествование с карикатурного изображения калифа Шах-Багема и его приближенных, истории изгнания ближайшего друга калифа, визиря Албекира, и его знакомства с мудрым пустынным. Лишенный имения, он скитается по дорогам и встречает таинственного старца Маготеософора, дающего ему приют в своей пещере, освещенной сияющим камнем. Судя по всему, в этой самой пещере, куда Албекир возвратился после неудачной попытки уже просвещенным вернуться ко двору и исправить положение в государстве, и была найдена впоследствии его рукопись. Мудрец рассказывает бывшему визирю о своем родном свободном народе, уничтоженном варварами, о своих загадочных приключениях в Египте, беседует с ним о вере, познании природы, назначении наук и искусств. В самом конце повести выясняется, что наставник Албекира является духом, в свое время являвшимся Бабуку.

Таким образом, давая прямые отсылки к Мармонтелю и Вольтеру, М.М. Херасков вписывает свое произведение в традицию французской философской просветительской повести.

Художественный мир повести довольно эклектичен; ориентальная стилистика четко не выдерживается. Автор прибегает к сравнениям, заимствованным из античности: «уподобил бы его Ахиллему Пелеевичу» (с. 136), «бедный рифмослагатель уподобляет себя Гомеру, трус Геркулесу, льстец Пиладу и Оресту, пустослов Демосфену» (с. 91). Армия калифа терпит поражение от войск скифской властительницы (намек на Екатерину II), возглавляемых доблестным полководцем Русославом. Упоминается комедия Мольера «Скапиновы обманы» (именно с ними военачальник Барбадас дерзко сравнивает увещания невидимого Албекира, принятого им за самого пророка Магомета, который пытается доказать несправедливость его сетований на неоченность своих заслуг). Такое смешение традиций придает повествованию ироничность, подчеркивает условность сюжета повести, ее ориентированность

на читателя, воспитанного на европейской культуре, и в то же время заставляет акцентировать внимание на философской проблематике произведения, а не на экзотических деталях.

Родословная калифа Шах-Багема возводится к знаменитой сказительнице Шехерезаде, наследия которой он, однако, не ценит. В некоторых восточных повестях философского направления («Задиг» Вольтера, «Кайиб» И.А. Крылова) арабские сказки упоминаются как образец чисто увеселительного чтения для легкомысленных людей. С точки зрения М.М. Хераскова, увлечение ими является более возвышенным, нежели любовь к другим забавам, и может служить подготовительным этапом для восприятия более серьезных текстов, в которых чудесные приключения приводят героя не к земному благоденствию, славе и богатству, а к духовному преобразению.

В повести, как и в других произведениях данного жанра, восточный колорит служит задаче остранения, аллегорического описания современных нравов. В условной иносказательной форме затрагиваются актуальные социальные проблемы, сатирически изображается общество. Основным итогом похождения главного героя становится изменение его мировоззрения. При значимости для Хераскова сатирического, критического начала, абсолютизовавшегося исследователями советского времени, не менее, если не более важной предстает позитивная программа — изображение внутреннего перерождения человека, а также раскрытие проблемы счастья, достижение которого, по мысли автора, связано с этим перерождением.

Главный герой «Золотого прута», Албекир, проходит путь от приближенного калифа до философа-отшельника. Изначально Албекир предстает легкомысленным человеком, в жизни которого дела государственной важности явно занимают значительно меньшее место, чем увеселение друга-калифа. В то же время ему присуща ирония. «Кто сия серна, которую ты гладишь? Я подозреваю, не есть ли она какое разумное творение, превращенное тобою в скотину, ибо это случается и в нашей жизни, только иногда совсем наоборот» (с. 30), — говорит Албекир пустынноку. Данная реплика отражает и любовь персонажа к чудесным историям (по мысли автора, признак способности к духовному развитию; Шах-Багем не интересуется сказками), и его

способность критически оценивать окружающих, подмечая несоответствие их поведения званию разумного человека. В дальнейшем мотив превращения человека в животное, выявляющее его истинную сущность, не развивается в «Золотом пруте», но будет использован в поздней стихотворной волшебной повести М.М. Хераскова «Бахариана, или Неизвестный» (1803).

Немалую роль в повествовании играют рассказы Маготеософора о его приключениях в Египте. Безусловно, они отсылают к масонским ритуалам, хотя для непосвященного читателя могут показаться декоративными элементами, придающими повествованию таинственности, лишенной логики восточной экзотикой. Пропаганда масонства в повести завуалирована, ее главный герой не прерывает рассказов старца, но не воспринимает их всерьез, мысленно сравнивая с наиболее нелепыми сказочными выдумками. Он весьма скептически относится к мистическим откровениям, оставаясь во многом приземленным человеком. Для него истории Маготеософора, которым тот придает столь большое значение, — чудачество в остальном здравомыслящего человека. Услышав рассказ своего наставника о том, как он, раненный варварами, увидел над собой небесную тень, Албекир восклицает: «Это был бред!» и приписывает это видение болезненному состоянию Маготеософора. Рассказ пустытника об испытании в мемфисской пирамиде и обретении чудесного перстня вызывает у него любопытство, но в большей степени насмешку. Сильнее всего его волнует упоминание о необыкновенно прекрасной женщине, которая, вопреки ожиданиям слушателя, вызвала у рассказчика не любовь, а благоговейное почтение.

Албекир рассуждает об описании мистерии по-профански; например, услышав о перстне с египетскими узорами, он говорит: «У меня в доме множество Египетских кувшинов перебивало; и мне всегда смешными казались безобразные их рисунки, а особенно волки их в человеческой одежде, совы в шлемах и со щитами, и бесы в богатых креслах, змии, головки, кружки и прочие такие вздоры, все это я почитал сумасшедством Мемфийских живописцев» (с. 71–72). Пренебрежительные реплики Албекира являются показателем недостаточной просвещенности героя, еще только начинающего свой путь к мудрости. Он не способен увидеть глубокого

символизма в иероглифических изображениях и таинственных ритуалах, воспринимает их поверхностно. Хотя русские масоны круга Н.И. Новикова придавали наибольшее значение духовному самосовершенствованию и благотворительности, а не толкованию символов и легенд, они не могли игнорировать традиций ордена, поэтому неправомерно полагать, что в насмешливых высказываниях персонажа выражается позиция автора.

Мотив Египта, где произошли знаковые события в жизни Маготеософора, особо значим для писателя-масона. Согласно представлениям «вольных каменщиков», греческие мистерии (в том числе Элевсинские таинства), были заимствованы у египтян⁶, а египетские иероглифы (в то время еще не расшифрованные) содержали в себе тайное знание первых людей, истинную науку, утраченную человечеством. Предполагалось, что изначальной религией древнего мира был деизм, политеизм же возник в результате искажения первоначальной веры, буквального понимания простым народом многочисленных аллегорий и символов, в результате которого люди обожествили небесные светила, некоторых животных и растения и приписали божествам человеческие свойства⁷. К древнейшим египетским мистериям возводились не только масонские ритуалы; с точки зрения вольных каменщиков, из них многое позаимствовали и христианские таинства. В прошлое переносилось представление о совершенном человеке, утратившем со временем многое из своих познаний, отдалившемся от изначального состояния, от своей божественной природы.

Маготеософор излагает основы масонской гносеологии, в которой высшей формой знания признается полученное сверхчувственным путем откровение «по благодати», «а благодать сия, за священное наблюдение добрых дел, за исполнение божеских узаконений и за любовь к ближним одним избранным ниспосылается, и тогда удовлетворится наше понятие» (с. 49). В основе познания природы должно лежать познание самого себя; нравственно очищенный человек иначе воспринимает окружающее, проникая в суть явлений. Благодаря приобретенному посредством испытаний перстню Маготеософор видит мир преображенным.

Для читателей-масонов особое значение имели не только отсылки к инициатическим культам, использование символики, но и сама

идея необходимости морального самосовершенствования, которому способствует руководство мудрого наставника. Маготеософор наряду с теоретическими наставлениями использует образные таинственные рассказы, воздействующие на чувства и воображение. Лицемерие Муфтия, а также его последователей, запретивших «Золотой прут» и «Велизария», намекает на критическое отношение автора к официальной церкви. Ханжеству представителей высшего духовенства противопоставляется подлинное благочестие отшельника. Возможно, и образ скучающего щедрого богача Горамы свидетельствует о том, что человек не может для достижения счастья удовлетворяться только материальными благами, даже делаясь ими с бедными; осмысленность жизни может придать лишь духовный поиск. Писатель подчеркивает, что сами по себе испытания и лишения не обязательно способствуют духовному совершенствованию: «Злополучие только усмиряет имеющих дурные качества людей, когда они с высокие низвержены бывают степени, но при первом удобном случае паки смелы и злоумышлены они становятся; а паче когда счастье к ним возвращается, то вдвое вреднее для ближних они становятся» (с. 180). Без сознательного проявления усилий измениться, намерения духовно возрастая человек исправиться не может.

Своеобразное воплощение получает в «Золотом пруте» часто использовавшийся в философской и сатирической прозе XVIII в. прием изображения общества глазами наивного постороннего наблюдателя. Главный герой не просто приходит извне, он возвращается из изгнания, изменившись внутренне, и начинает замечать явления, не привлекавшие раньше его внимания. До постигнутого его несчастья Албекир был равнодушен к положению дел в государстве, будучи визирем и лучшим другом калифа, он лишь пользовался даваемыми таким положением привилегиями и, вместо того чтобы заниматься серьезными государственными делами, забавлял калифа и плел коврики из рогожки. Его представления о счастье были поверхностными. Общение со старцем помогает ему начать прозревать, однако Маготеософору не удается убедить Албекира в том, что счастья в свете нет.

Тема счастья, его переменчивости возникает уже в первой главе повести: «Счастье, сие вертопрашное божество... всегда на

круглом шаре вертится, и будучи чрезвычайно близоруко, все в коловратность приводит» (с. 7). Автор подводит читателя к мысли, что счастье зависит не от внешних обстоятельств, а от внутреннего настроения человека. Подчеркивается, что не только материальное благополучие, но и добродетель не гарантирует счастья. Знаменателен образ богача Горамы, которого нельзя упрекнуть в аморальности: его состояние нажито честной торговлей, он устраивает пиры для нищих, в то же время испытывает неудовлетворенность жизнью и беспокойство. Горам утверждает, что тяготеет своим богатством и предпочел бы участь простого пастуха, в то же время он осознает свою неприспособленность к такой жизни: «Я ни овец пасти, ни травы косить, ни земли пахать не умею» (с. 161).

Единственный магический предмет, присутствующий в повести, — врученный Албекиру Маготеософором золотой прут, делающий своего обладателя невидимым, способным читать чужие мысли и открывающий любые двери и ворота. Итак, сверхъестественное вводится в повесть только как средство, позволяющее раскрыть сущность наблюдаемых главным героем людей. Воспользовавшись этим прутком, Албекир пытается найти счастливого человека. Он обращается к молодоженам, купцам, богословам, кадиям, помещикам, комедиантам, стихотворцам, красавицам и быстро убеждается в обманчивости своих представлений о счастье. Все встреченные им люди недовольны своим положением. Радость молодых супругов, соединившихся после долгих испытаний, разрушает визит богатых друзей, заставляющий их завидовать и усомниться в своем выборе, ради которого они пожертвовали достатком; некрасивые градоначальник и его жена, дочь визиря, также наедине раздражаются взаимными упреками. Семейного счастья, как быстро убеждается Албекир, не гарантируют ни страсть, ни трезвый расчет.

Албекир обучается видеть наставника не только в мудром отшельнике. Бывший начальник евнухов Акцеим, также ставший изгнанником, проиграв в борьбе за влияние при дворе Великому Муфтию, наглядно демонстрирует ему неумность человеческих желаний. Основной причиной несчастья людей, как убеждается Албекир, являются зависть, амбиции, не соответствующие способностям, неумеренность желаний. Только истинное просвещение, очищение души может сделать

человека подлинно счастливым. В отличие от Акцеима, не желающего постигать подлинную мудрость и останавливающегося на достигнутом в результате своих размышлений, Албекир желает продолжить свой поиск в Багдаде.

Бывший визирь, ужаснувшись положению дел в стране, разорению множества граждан, недостойному поведению потерпевшего постыдное поражение войска, предпринимает неудачную попытку повлиять на своего друга Шах-Багема. Правитель представлен не жестоким тираном, а пустым, слабохарактерным человеком, легко поддающимся чужому влиянию. После изгнания Албекира линию его поведения сначала полностью определяет Великий Муфтий, а затем Черкашенка, ставшая его любимой женой. Именно из-за нее Шах-Багем, уже будучи растроганным речами Албекира, отказывается внять его наставлениям.

Черкашенку можно считать воплощением поверхностного вольнодумства. Поведение султанши обусловлено не природной глупостью (напротив, отмечается, что она «острая и резвая», в изучении Корана быстро «великие оказала успехи» (с. 208)), а гедонистической жизненной позицией, сознательным игнорированием серьезных проблем и культом наслаждения. Именно по ее воле при дворе появляются шуты-«философы» Маскетуф и Зутетуф, носители идеологий «вольтерьянства» и «руссоизма». Разумеется, М.М. Херасков, почитавший Вольтера, сам подражавший ему, хотя и относившийся к его творчеству неоднозначно (так, он называл его «Орлеанскую деву» «повестью вредною, но остроумною»⁸, но причислял его к любимцам музы Каллиопы как одного из величайших «Эпических Песнопевцев»⁹), не мог отвергать всего наследия французского просветителя. Автор выступает против вульгарного, примитивного толкования идей Вольтера и Руссо, широко распространившегося среди его современников, которые вошедшими в моду теориями нередко прикрывали свое пренебрежение религией, образованием, моральными нормами¹⁰. Он выступает не врагом просветителей, а поборником истинного просвещения, включающего в себя и духовный аспект, и серьезные занятия науками, оказавшимися в пренебрежении. Опасными предстают не подлинные сочинения философов, а их огрубленные толкования, оправдывающие невежество и низменные наклонно-

сти. Дискуссии о науках, о бессмертии души низводятся до забавы и часто выливаются в потасовки, которые, судя по реакции Шах-Багема, Черкашенки и придворных, интересуют наблюдателей гораздо больше, чем философские размышления. Автор отказывается приводить аргументы Маскетуфа и Зутетуфа в их споре о бессмертии души, ссылаясь на порчу рукописи, что подчеркивает бессодержательность их диспута.

Попытки просветить отрицательных персонажей повести оказываются бесполезными из-за их полной уверенности в правильности своего образа жизни. Ни рассуждения, ни осмеяние не могут заставить их изменить свои взгляды. Насмешки над всем возвышенным и игра в щелчки (возможно, так аллегорически изображаются бесконечные придворные интриги) остаются содержанием их жизни. М.М. Херасков осознает утопичность идеи просвещения монарха. Албекиру не удается стать мудрым советником своего бывшего друга-калифа и помочь ему улучшить положение подданных. Так в повести раскрывается трагедия мудреца, чьи наставления отказываются воспринимать всерьез. Свобода высказываний обесценивается отношением даже к самым резким из них как к шуткам в новомодном вкусе. Оскорбления только забавляют Черкашенку, и лишь прямое физическое насилие (Албекир в раздражении отталкивает султаншу, попытавшуюся надеть на него шутовской колпак) способно вызвать ее гнев.

Спасшись из дворца калифа и расставшись со старцем, оказавшимся небесным духом, Албекир внимательно изучает оставленную им книгу, становится подлинным мыслителем и пишет «преполезное политическое сочинение, из которого, говорят, Доктор Франклейн многие статьи в свою философскую Мисцеланию выбрал» (с. 195). Таким образом, труды Албекира не пропадают даром. Уединение персонажа не означает его отречения от общественного служения, именно одиночество позволяет ему стать полезным людям. Не будучи в силах изменить общество, он вносит свой вклад в просвещение будущих поколений, его размышления оказываются востребованными потомками.

Знаменательно, что повесть заканчивается упоминанием очень авторитетной для М.М. Хераскова и его единомышленников фигуры — Б. Франклина. Все в нем привлекало русских просветителей: его борьба за

независимость своей страны, философские воззрения, культурно-просветительская деятельность, широкий кругозор, членство в масонской ложе, сочетание активной жизненной позиции с постоянным внутренним самосовершенствованием, самодисциплина. События в Америке давали надежду на создание государства, построенного на справедливых принципах. Д.И. Попов, биограф наиболее выдающихся представителей русского масонства последней четверти XIX в., пишет: «Возникли по воле великого Строителя мира на двух полушариях земли два замечательных человека, которые действовали в одно время для одной цели — Франклин и Новиков»¹¹. По настоянию И.В. Лопухина А.И. Тургенев подготовил перевод с французского некоторых сочинений Б. Франклина и краткое изложение истории его жизни¹².

Таким образом, в финале автор смотрит в будущее с осторожным оптимизмом, не отвергая социальной активности, идеи самостоятельного построения общественно полезной жизни и не призывая к уходу в частную жизнь. Отрицая возможность влияния на государя и на весь социум в целом, он верит в возможность благотворного воздействия на отдельных людей, которые впоследствии смогут изменить общество к лучшему.

Как и большинство текстов М.М. Хераскова, «Золотой прут» проникнут масонским мировоззрением автора, но рассчитан на более широкий круг читателей, нежели адепты ордена. Доступное для восприятия людей, далеких от масонской тематики, это произведение отражало близкие вольным каменщикам идеи и тем могло способствовать их распространению. Форма философ-

ской восточной повести оказалась весьма удобной для выражения мировоззрения автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Морозов Д.А. Комедия «Тысячи и одной ночи»: эстафета мистификаций, или Шедевр европейского романтизма. М., 2009. С. 18.

² Кубачева В.Н. Восточная повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век. Вып. 5. Л., 1962. С. 303.

³ Невзоров М.И. Мои понятия о втором пришествии Христовом. РО РНБ, Q III. 73, л. 27.

⁴ Уже в 1776 г. М.М. Херасков — шотландский мастер в Великой Английской (Провинциальной) ложе, в 1783 г. становится розенкрейцером (см.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. слов. М., 2001. С. 957, 960).

⁵ [Херасков М.М.] Золотой прут. М., 1782. С. 87. Далее ссылки на произведение даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.

⁶ Штарк И.А. О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов. М., 1785. С. 5.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ [Херасков М.М.] Бахариана. М., 1803. С. 5.

⁹ Херасков М.М. Полидор, сын Кадма и Гармонии // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. XI. М., 1802. С. 319.

¹⁰ Ключевский В.О. Воспоминания о Н.И. Новикове и его времени. М., 1895. С. 49.

¹¹ Попов Д.И. Материалы для жизнеописания пяти благочестивых мужей в России, из разных достоверных источников собранные. ОР РГБ, ф. 237, № 38, л. 3.

¹² Отрывок из записок Франклиновых с присокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений. М., 1799.